

Лу Жун и Фан Цин стояли лицом к лицу на узком балконе.

— История, которую ты мне рассказывала, о том, как моего отца посадили в тюрьму за контрабанду сандалового дерева?.. — начал Лу Жун.

— Это правда, — подтвердила Фан Цин.

— А история о том, как ты развелась, чтобы заботиться обо мне?..

— И это тоже правда.

Лу Жун почувствовал, как внутри все закипает.

— Так получается, я - единственный фальшивый элемент во всей этой истории!

Фан Цин мягко усадила его на качели. Их балкон был шириной всего в метр, но Фан Цин умудрилась втиснуть туда качели. Правда, обычно они служили лишь подставкой для сложенной одежды.

Фан Цин выглядела растерянной, словно не знала, с чего начать.

— Видишь ли... твой отец и мой бывший муж - братья. А мы с твоей матерью - лучшие подруги. Понимаешь?

Лу Жун глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

— Наверное.

— Тогда... моего бывшего мужа посадили в тюрьму за контрабанду сандалового дерева, — продолжила Фан Цин.

— ...

— Твоего отца тоже посадили за контрабанду сандалового дерева. Они - братья, вместе занимались этими темными делишками, и все такое.

— ...

— В то время было два варианта. Первый - отдать тебя в приют. Второй - позволить мне о тебе позаботиться.

— ...А где же моя мать?

Фан Цин нежно взяла его за руку.

— ...Ты действительно хочешь знать? Это самая печальная часть этой истории.

— Скажи мне, я справлюсь.

Фан Цин глубоко вздохнула, собираясь с духом.

— Её тоже посадили за контрабанду сандалового дерева.

— ...

— Среди вас четверых трое оказались за решеткой? Ты единственная, кто осталась сухой даже после прогулки по берегу реки?

— В то время я целыми днями пропадала в танцевальном зале, поэтому ничего не знала об их делах, — оправдывалась Фан Цин.

Лу Жун сидел на качелях, словно оглушенный, не зная, что сказать об этой семейной трагедии.

После долгого молчания он спросил Фан Цин:

— Почему мне никто не сказал?

Фан Цин крепче сжала его руку.

— А что мы должны были тебе сказать? Что твой отец и мать – контрабандисты? У тебя и так родословная слишком... выдающаяся, ты мог вскрыть любой замок в восемь лет. Я хотела, чтобы ты вырос нормальным мальчиком и не повторял их ошибок.

— Я не монстр, что это за родословная такая? Я шестнадцать лет не видел своих родителей из-за такой нелепой причины?

— Не только из-за этого, — Фан Цин нежно обняла его за плечи. — Когда ты был маленьким, твои родители были слишком заняты, чтобы о тебе заботиться. Они были заняты тем, что были боссами в мужской и женской тюрьмах, поэтому и пропустили все твоё детство. Каждый раз, когда я приводила тебя к ним на свидание, на следующий день они устраивали драку. Ты был их слабым местом. После этого они запретили тебе приходить.

— ...

Фан Цин тихо добавила:

— Когда они вышли, то отправились в Шаньси и стали угольными магнатами...

Лу Жун был потрясен.

— Их выпустили?

— Да, они вышли после десяти лет. Пять лет назад они начали добывать уголь в Шаньси. Пережили множество аварий на шахтах, но, в конце концов, сумели подняться и сколотить состояние, став угольными боссами, — Фан Цин пожала плечами.

Внезапно Лу Жун кое-что вспомнил.

— Ты же не имеешь в виду?..

Однажды на китайский Новый год их посетил богатый родственник с семьей. Они были родственниками Фан Цин. Мужчина курил дорогую сигарету, дама была одета в норковую шубу, а на ребенке была брендовая одежда. Ребенок был очень капризным, но дама была очень доброй и незаметно сунула ему пять стодолларовых банкнот.

Фан Цин с горечью сказала:

— Эти доллары были от твоих отца и матери, а этот непослушный ребенок - твой брат.

Лу Жун на мгновение замолчал, чувствуя, что больше не может этого выносить. Он спросил:

— Конечно, я не хотел быть их ребенком, но по логике вещей, после того как они вышли из тюрьмы и разбогатели, они должны были забрать меня к себе, разве это не естественно? Почему они этого не сделали?

Фан Цин прикусила губу.

— Ты действительно хочешь знать?

— Скажи мне.

— Они считают тебя выпендрожником.

— ...

—

—

—

Глаза Лу Жун сузились, в них читалась угроза. Фан Цин отвела взгляд.

— ...Вот такое у тебя выражение лица, когда ты так смотришь.

Лу Жун откинулся на качелях, покачиваясь взад и вперед, его глаза были пустыми. Он только что узнал, что его родители были контрабандистами, отсидели в тюрьме десять лет, а после освобождения уехали в Шаньси и стали угольными боссами, не захотели его забирать и, в конце концов, дали ему пять стодолларовых банкнот, чтобы от него откупиться. Что ему оставалось делать, кроме как молча сидеть на качелях?

— Они все еще присылают деньги на твое содержание каждый месяц, — добавила Фан Цин.

— Хех... Да?

У него давно закралось подозрение, что в движении средств на счету Фан Цин что-то нечисто. Поначалу он наивно полагал, что у нее есть покровитель и любовник.

— Разве у тебя нет меня? — Фан Цин нежно сжала его ладонь, утопая в воспоминаниях, словно в теплом одеяле. — Наш Жун Жун вовсе не избалованный, это все проделки этого сорванца, который разбил драгоценный крем для глаз Estee Lauder, который ты мне купил. Ты просто хотел преподать ему урок, вот и все.

Лу Жун отстранился, ощущая между ними ледяную пропасть.

— Ты только что сказала Цзи Туну, что будешь растить меня только до восемнадцати.

Фан Цин замялась, словно пойманная с поличным.

— ...Ты это слышал.

Лу Жун спустился вниз, чтобы выбросить мусор и подышать свежим воздухом. Цзи Тун засобирался домой, и они вышли вместе. В воздухе повисло неловкое молчание, и Цзи Тун, пытаясь разрядить обстановку, выдал пару натужных шуток, которые лишь усугубили

леденящую тишину. Они молча брели по узкому переулку.

Лу Жун нарушил молчание:

— Как вы доберетесь домой?

— У меня есть машина.

— О!

Оба замерли в ожидании, утопая в тягостном молчании.

Внезапно Цзи Тун повернулся к Лу Жуну:

— Мне очень жаль, что ты услышал эти ужасные новости. Я всего лишь хотел поужинать, а все обернулось тем, что у тебя больше нет матери. Я пойму, если ты будешь против меня.

Лу Жун засунул руку в карман и равнодушно бросил:

— Все в порядке.

— Когда твоя мать начала встречаться со мной, она сразу предупредила, что у нее есть сын. Сказала, что если я не смогу принять тебя, между нами ничего не получится. Я, в свою очередь, рассказал ей о своем сыне. Мы говорили о твоём детстве, и лишь потом начали встречаться. Поверь, у нее было много достойных мужчин, но все они были против тебя, и отношения распадались. Если бы она действительно не любила тебя или хотела бросить, она бы никогда так не сказала.

Лу Жун немного помолчал, а затем с любопытством спросил:

— И кроме разговоров о сыновьях-подростках, о чем же вы еще беседуете?

Цзи Тун запнулся:

— Э-э...

Лу Жун не стал дожидаться ответа.

— Состояние нашей семьи оставляет желать лучшего, моя мать необразованна и не отличается изысканными манерами, у нее даже есть обуза в виде «бутылки с маслом»*, — закончив фразу,

он испытующе посмотрел на Цзи Туна.

[Примечание: Дети от предыдущего брака.]

Цзи Тун опешил, но тут же расхохотался:

— Когда доживешь до моих лет, поймешь, что чувства важнее любой логики.

Лу Жун остался доволен его ответом.

— Угу. Тогда ладно. Вы заберете ее завтра? — Он невольно подслушал их разговор.

Цзи Тун радостно закивал:

— Конечно, это входило в мои планы, я хотел уладить некоторые дела... — заметив взгляд Лу Жуна, он поспешно исправился: — ...Главное, сводить ее в кино.

Лу Жун слабо улыбнулся. К чему все эти планы, когда два человека собираются прожить вместе целую жизнь? Цзи Тун — натура сентиментальная, Фан Цин повезло.

В этот момент переулочек озарили ослепительно яркие фары, выхватив из темноты часть здания. Лу Жун прищурился, и, когда глаза привыкли к свету, он узнал знакомый Bentley Mulsanne, который видел еще в сумерках. Автомобиль бесшумно подплыл к ним, словно хищная рыба. Шофер выскочил и распахнул дверцу перед Цзи Туном.

— Я поеду первым! — Цзи Тун радостно и в то же время учтиво обратился к Лу Жуну: — Приходи завтра ко мне на ужин!

Лу Жун молчал, переваривая увиденное.

Неужели все ростовщики в последнее время так разбогатели?!

Этот брак, похоже, не так уж и плох, как он себе представлял.

Выбросив мусор, Лу Жун вернулся домой и застал Фан Цин сидящей на диване. Она тихо рыдала, перебирая его детские игрушки. Заметив его, она разразилась еще более громкими всхлипами, прижимая к себе старенький детский комбинезон.

Лу Жун все еще держал в руке мусорное ведро.

— О чем ты плачешь?

— Я думала, ты сбежал и больше не вернешься! Ууууу...

В тапочках и с мусорным ведром?!

Лу Жун не смог сдержать тайную усмешку.

— Эта маленькая и грязная куртка в твоих руках - моя замена?

Слезы Фан Цин хлынули с новой силой.

— Ты ее больше всего любил, когда был маленьким! Спал в ней каждую ночь, как только я ее сшила!

Лу Жун тихонько рассмеялся и опустился рядом с ней. Фан Цин тут же прильнула к нему, положив голову ему на плечо, и слезы обильно смочили его одежду.

— Я просто боялась, что ты расстроишься, поэтому ничего тебе не говорила. Не хотела, чтобы ты узнал, что я тебе не родная мать. Если бы ты стал называть меня тетей, все мои шестнадцать лет тяжелого труда пошли бы насмарку...

Лу Жун прервал ее:

— Мама.

Несмотря на бурю противоречивых чувств, Лу Жун понимал, что решение стать его матерью было далеко не самым простым. Отдать его в приют было бы мудрым и рациональным решением. Но он не стал сиротой, над которым издеваются из-за его происхождения. Он вырос в обычной семье, пусть и с одним родителем. Двадцатилетняя Фан Цин приложила все усилия, чтобы заботиться о нем, и раскрыла свои крылья, чтобы защищать его на протяжении шестнадцати лет.

Услышав долгожданное «мама», Фан Цин разрыдалась от счастья. Лу Жун нежно вытер ее слезы.

— Если ты будешь плакать сегодня, завтра на регистрации у тебя будут опухшие глаза.

Фан Цин вскрикнула:

— !

Она пулей вылетела в ванную, чтобы нанести спасительный крем для глаз. Вспомнив о важном деле, она прислонилась к дверному косяку и робко спросила:

— Ты ведь пойдешь со мной в семью Цзи, правда? Даже если тебе исполнится восемнадцать, и я больше не буду твоим опекуном, ты останешься со мной, ведь так?

— Это совсем не то, что ты сказала Цзи Туну.

Фан Цин попыталась оправдаться:

— Это был хитрый ход, чтобы заманить его в брак. За эти годы меня слишком часто бросали.

Лу Жун кивнул.

— Ладно, я пойду туда, куда пойдешь ты.

Фан Цин забыла о креме для глаз, выбежала из ванной и крепко обняла его. Лу Жун ответил ей тем же.

— Мне тоже нелегко одной выдавать тебя замуж, я боюсь, что Цзи Тун будет тебя обижать.

В их семье Лу существовало неписаное правило: мужчина должен защищать женщин. Лу Жун готов был грудью встать на защиту, даже когда тот медвежонок разбил крем для глаз Фан Цин, не говоря уже о таком важном деле, как брак.

Они долго стояли в объятиях друг друга.

Лу Жун нарушил тишину:

— Не может быть, чтобы они отказались от меня из-за этого медвежонка, ба.

Фан Цин прошептала:

— Прости, это все моя вина...

Лу Жун навсегда лишился возможности вернуться в свою настоящую семью.

— Я все равно поступил бы так же, — твердо заявил он.

Фан Цин еще крепче прижала к себе сына.

Прошло еще немного времени, прежде чем Лу Жун поднял голову.

— Это ощущается немного неприличным. На самом деле, мы ведь не связаны кровными узами.

— Когда ты был маленьким, я меняла тебе подгузники. Там было столько какашек, что они не помещались ни в один подгузник!

Лу Жун снова опустил голову ей на плечо.

— Теперь мне стало лучше.

Фан Цин была его матерью, и это был неоспоримый факт.

Переводчику есть что сказать:

ессо: Ах, так это наследственность! В его крови теньевые способы заработка и предпринимательская жилка. Но эта история семьи - просто взрыв хохота! Мне даже захотелось почитать о контрабанде сандалового дерева...

<http://bllate.org/book/15338/1355571>